

А.М. Готов

Уважаемый коллега –
составитель и редактор!

Я долго размышлял над тем, какой дать материал для спецвыпуска «Вестника ВНЦ», посвященного Н.Г. Джусойты. Вероятно, статус Вашего журнала предполагает приоритет научного филологического исследования, но статус Нафи Григорьевича побуждает меня к другому жанру. С некоторых пор на лице этого мудрого человека и великого гражданина я читаю переживание за все то, что произошло с нашим обществом в последние два-три десятилетия. Поколение Нафи Джусойты, Алима Кешокова, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева – это люди, не щадившие себя ради страны и, к ужасу своему, своими глазами увидевшие крах дела жизни всего их поколения. Нет спору, что это трагедия не только для них, но и для всего общества. Но она по-настоящему еще не осмыслена нами, потому что многие до сих пор бессознательно пребывают в шоковом состоянии. Очевидно одно: желая сделать лучше, мы вновь сделали непонятно какое зло. Теперь каждый из тех, кто в пору пресловутой «перестройки» и порожденного ею распада огромного государства был в дееспособном возрасте, невольно ощущают укоризненные взгляды со стороны старшего поколения, с таким трудом отстоявшего страну, с такой легкостью нами утраченную.

Это с особой остротой переживают писатели, которым всегда присуще обостренное гражданское сознание, драматически напряженное чувство ответственности за судьбу своего народа, за судьбы своих читателей, каковыми были буквально все соотечественники. Думаю, даже такие последовательные противники советской системы, как Александр Солженицын, не хотели, чтобы «связь времен» распалась таким катастрофическим образом; об этом впоследствии он сам же и писал. Пе-

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: ИДЕИ И РЕАЛЬНОСТЬ

А.М. Готов

*Лишь воин, навший в верный срок,
Свободен от оброка.*

Нафи Джусойты

реживания принца датского кажутся не более чем театральными в сравнении с душевными муками, которые доводится испытывать тем, кто искренне считал эту страну для себя Родиной и видел смысл жизни в служении ей. Я, конечно, под служением не имею в виду тиражирование лозунгов, которыми украшались фасады советских учреждений. Если снять слой банальщины с официальной партийно-государственной доктрины и заглянуть глубже, то и в конституционных уложениях, и в людских душах под наносным слоем хлама обнаруживаются искренние, чистые устремления миллионов людей, которые в поисках более справедливого устройства жизни уповали на идеалы всеобщего равенства, добра и справедливости. Предмет их веры, с которой они жили и шли на смерть, не утопия. А если оно и не так, то для потомков, коль скоро они сохранили совесть, это вовсе не основание, чтобы с легкостью их предавать. Не пристало также с безразличием взирать на чувства достойнейших из людей, благодаря мужеству и самоотверженности которых мы, может быть, живем, пусть и не так благополучно, как нам хотелось бы.

Настанет время, когда потомок более справедливо оценит наше время, наши суждения и действия, наши расчеты и просчеты. Но и нам уже давно пора хотя бы беглым взглядом обозреть недавнее прошлое и попытаться самим разобраться, что же произошло с нашей страной на этом разломе. Конечно же, перед нами встанут вопросы, ответить на которые мы пока еще не готовы и не в силах. Никто в наше время без эмоций не определит, сколько было в вере наших отцов и дедов праведного и греховного, что из совершённого предыдущим и нынешним поколениями было продиктовано любовью, а что ненавистью, что простосердечием, а что лукавством, что бескорыстием, а что корыстью, что знанием, а что недомысли-

Готов Адам Мухамедович – д. филол. н., проф., зав. сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (КБИГИ), член Союза писателей России.

ем и искренними заблуждениями. Жизнь целой страны и целых поколений нельзя мерить по оси ординат, где от определенной точки в одну сторону идут плюсы, а в другую – нарастают минусы. Все значительно сложнее. Но мы не были научены отличать одно от другого; вначале нас учили замечать в нашей повседневности только достоинства, а с некоторых пор получилось так, что даже официальные печатные органы власти постепенно перешли на «чернуху». Как бы ни казалось парадоксальным, мало кто всерьез задумывался над тем, что на одной плоскости могут уместиться и одно, и другое, что сначала следовало бы их разделить друг от друга, затем нужно оставить, а от ненужного избавиться. Из-за своей инфантильности мы плохо различали не только плохое и хорошее, но даже свое и чужое.

Как в той притче о художниках и слепом на один глаз повелителе, кто-то нам внушал, что наша жизнь – рай, и многие этому верили, ибо портрет был нарисован в один профиль. Другой рисовал то же самое, глядя с противоположной стороны, где у повелителя глаз стеклянный, и масса людей была уверена, что вся наша страна – сплошной ГУЛАГ – и в это тоже верили. Ни рисунка в анфас, ни аналитического портрета в стиле Пикассо никто, как правило, не видел, а если и видел, то не придавал значения. И до настоящего времени нам не удается со всей ясностью разобраться в том, что же все-таки было хорошего в этой ушедшей в небытие огромной державе, а что и вправду было плохо. Доминируют субъективные тенденциозные трактовки.

Но если мы еще способны двигаться вперед, мы должны дать свою оценку тому, что доступно сознанию. Это, быть может, наш последний редут, который если мы отдадим — перестанем существовать как общество.

* * *

Отношение к поколению, защитившему страну и мир от страшной угрозы в годы Великой Отечественной войны – один из основных вопросов современной этики. В нашем стремительно меняющемся мире есть определенная категория ценностей, не подлежащих пересмотру ни при каких обстоятельствах и ни в какие времена. К ней, несомненно, относится и роль Советского Союза в разгроме фашизма. Можно быть в душе ярким защитником идеи коммунизма или же последовательным ее противником. Но в любом случае невозможно вести объективно речь о Второй мировой войне и не сказать о решающем вкладе Советского Союза в дело победы над гитлеризмом. Без ложного пафоса можно признать, что именно советский народ – талантом

своих полководцев, мужеством воинов, трудом миллионов рядовых граждан и ценой жизни лучших своих сынов – обеспечил исход борьбы с врагом человечества, перед которым трепетал фактически весь цивилизованный мир, включая ныне высокомерных американцев, чопорных западноевропейцев или распираемых от самомнения поляков и «прибалтов». Поскольку же Союз это не только политический строй, а прежде всего люди, то победу следует отнести в заслугу не одной лишь политической системе, не отдельным личностям, не маршалам и генералам, а всем вместе – многомиллионному и многоязычному народу, никак не отделив от нынешних остатков некогда огромной страны население тех новообразованных государств, которые возникли после 1991 года в пределах бывшего СССР.

Наша действительность такова, что в международных отношениях самые большие акты самопожертвования быстро забываются даже теми, ради кого они совершались, а в политике предпочтение отдается реальной силе, практической значимости, удельному весу в настоящий момент и в обозримой перспективе. Давно признано, что былые заслуги для настоящих и будущих межгосударственных отношений практической ценности не представляют. Поэтому нет большого резона в том, чтобы апеллировать к благодарным чувствам Европы, спасенной ценою благородных сынов советского народа от коричневой заразы. Как говорится, «Мавр сделал свое дело...», и если он ничем иным не представляет интереса, то в нем просто больше не нуждаются. Тем более не приходится уповать на чью-то благосклонность в ситуации, когда мы оказались слабыми и когда впору нас самих спасать. Законы естественного отбора пока никто не отменял, и отменить их невозможно, а согласно этим законам слабым принято бить, а в случае крайней надобности даже попросту пускать на корм более сильным...

Перефразируя известное крылатое выражение, можно сказать, что у каждого есть право спасать других, что и сделали в свое время люди поколения Нафи Григорьевича, но собственное спасение – дело только его самого. В ущерб своим интересам никто не обязан этого делать. Нужно со всей серьезностью и на все времена запомнить, что бедные, слабые и блаженные хороши только как персонажи представлений на театральной сцене. Это правда – хотя бы в отношениях с Европами. В реальной политической жизни сирых и бедных никто не любит, и, жертвуя своим благополучием, никто не станет их поддерживать.

Так что нам нет смысла надеяться на помощь и поддержку со стороны, а коли так, то не разум-

нее ли будет потуже затянуть пояса, трезво оценить возможные варианты и за примерами обратиться к собственному опыту, к своей истории. Не разумнее ли установить в ней истоки былой силы и могущества, позволившего нашим отцам и дедам выйти победителями из страшной войны, по праву именуемой Великой и Отечественной, и извлечь жизненно необходимые уроки из прошлого. Это настоятельно требуется сейчас, когда престиж Российской Федерации, правопреемницы Советского Союза, всеми мыслимыми способами стараются опустить ниже уровня моря и на международной арене, и даже внутри самой страны. Подобная процедура необходима для нашего общества и государства, поскольку лишь таким образом можно со всей определенностью сформулировать идею, способную консолидировать общество, идею, жизненно важную для самого государства и одинаково близкую душе каждого гражданина. И начать здесь надо с себя, с анализа наших просчетов в недалеком и отдаленном прошлом.

В течение последних десятилетий – особенно за годы, прошедшие со времени развала СССР, – наше общество отвергло многое из того, что представлялось связанным с советским образом жизни. Споры нет, отказаться от многого, что было отвергнуто, следовало давно. Но вместе с ненужным и отжившим мы нередко отвергали и такое, от чего ни одно общество, ни одно государство не должно отрекаться по своей воле. Выражаясь языком классиков материалистической диалектики, мы вместе с помоями выплескивали и ребенка. Именно по таким поводам адыги говорят: «То, что пинаешь ногами, случается потом подобрать с земли зубами».

Сейчас, если это еще не поздно, нам настоятельно необходимо определить относительно нашего общего прошлого и извлечь из него уроки. В связи с этим было бы небесполезно хотя бы тезисно сопоставить отношение государства и рядовых граждан к таким несколько высокопарным, но все же базисным понятиям, как *патриотизм, братство народов, национальное и личное достоинство человека* в 30–40-е годы XX века и в наше время. Это необходимо не просто для умозрительного противопоставления иногда мифологизируемого «золотого века» Советов не менее мифологизированным псевдосвободам, апеллируя к которым великая страна была не только развалена, но еще и варварски разворована.

Общепризнан и не требует особой дополнительной аргументации тот факт, что, несмотря ни на какие жестокости, искажения и перегибы во внутренней политике государства, к началу Великой Отечественной войны советское общество, вопреки ожиданиям фюрера Третьего

рейха, *оказалось готовым сплотиться* во имя защиты страны и тех идеалов, которые оно исповедовало. Совершенно очевидно, что *подобного невозможно добиться одними только принудительными мерами, жестокими репрессиями и откровенным обманом*. Можно, напротив, со всей уверенностью говорить о том, что консолидация общества перед лицом внешнего врага произошла совсем не по причине развернутых в 1936–1938 гг. репрессий, и победа в войне обеспечена не заградотрядами, не картонными злодеями из НКВД и СМЕРШ, заполонившими наши телеэкраны в последние годы. Руководству Страны Советов, каким бы демонически страшным оно нам ни представлялось, еще в 30-е годы удалось внедрить такую систему воспитания своих граждан, которая и дала результатом массовые патриотические настроения и подлинно духовную – основанную на положительных идеалах – мобилизацию. Можно это ныне оспаривать или даже осуждать, но в любом случае этот феномен подлежит изучению и осознанию. Один из ветеранов войны, крупнейший философ профессор А.А. Зиновьев, – кстати, последовательный антисталинист, – вспоминая о довоенных и военных годах, так сформулировал свою оценку этой системы: «Для всего мира советская школа 30-х годов была беспрецедентным явлением <...>. Причем советская школа не только давала хорошее образование. Она воспитывала на основе образования (выделено нами. – А.Г.)».

Разумеется, воспитание на основе образования и в духе высших идеалов любви к Отечеству – не изобретение советской системы. Просто советская система не отвергла сходу (как это мы частенько сейчас делаем), а разумно актуализировала лучшие традиции духовности, которые на русской почве дали в прошлые столетия Ивана Сусанина, Козьму Минина, героев Отечественной войны 1812 года, декабристов, революционных демократов. Во все времена и в любой стране они формировали людей, готовых на самопожертвование во славу и – когда это надо – во спасение Родины. Такие традиции и соответствующие им герои – свои Жанны Д'Арк и Вильгельмы Телли есть в истории каждого народа, и достойное внимание, самое уважительное отношение к ним тоже были не чужды советской системе воспитания. В той системе не было принято травестировать поступок Евпатия Коловрата или Ивана Сусанина, как нынче поступают с памятью Зои Космодемьянской некоторые «патриоты России».

Мы перестали вспоминать о том, что в советское время воспитание неразрывно связывалось с готовностью на самопожертвование ради своей Родины, с романтическим почтением к «безумству храбрых», с воспитанием уважительного

отношения к культуре и истории каждого народа СССР, и что именно это обстоятельство дало основание ввести в обиход новое и далеко не бессодержательное социально-философское понятие – *советский патриотизм*. Единение в годы Великой Отечественной войны – красноречивое проявление сути этого термина, который в ином случае можно бы толковать как сугубо кабинетное изобретение ортодоксально мыслящих умников.

Несомненно, есть множество вполне состоятельных по своей аргументации критиков и всей советской системы, и той философской идеологической базы, которую создали ее апологеты. Но если судить исходя из исторических реалий, то никак нельзя отрицать, что основной результат советской школы воспитания выразился в единении народов многонациональной страны в час, когда Советский Союз вынужден был противостоять смертельно опасному и коварному врагу, притом врагу не только одной страны и одной системы, но всего человечества.

Конечно, в наше время дозволено говорить о священности права личности на жизнь и о приоритете его перед правами государства. Можно во имя этого права оправдывать элементарную трусость, шкурничество и предательство. Можно даже без стеснения сокрушаться о том, что Советская армия не сложила покорно оружия и не сдалась на милость победителю, а поднявши «дубину народной войны», изгнала пришедших на нашу землю новоявленных «культуртрегеров». Но такой либеральный пацифизм не делает истории.

Никак нельзя отрицать того очевидного факта, что именно та самая Советская армия избавила не только нашу страну, а и всю Европу от физического и морального порабощения, от попрания права человека на жизнь. Не будь ее, самой печальной участи не избежали бы в той или иной степени ни один народ и ни одна личность, включая самих немцев, даже из числа высшего руководства той же нацистской партии. И если избавление состоялось, то – *только благодаря сплоченности, патриотическому духу и активной жизненной позиции каждого гражданина*. Победа над врагом стала возможна постольку, поскольку огромная масса простых граждан сознательно пожертвовала личными интересами и личной жизнью ради спасения страны и мира. А, надо признать, это в сложившихся обстоятельствах было особенно важно.

Подвиги во имя Родины в той войне совершали, как хорошо известно всякому школьнику, русские и евреи, украинцы и казахи, белорусы и татары, атеисты и верующие, люди, облеченные высокими полномочиями, и самые рядовые граждане. Это единство, которому не помешали

ни этноязыковые, ни социальные, ни конфессиональные водоразделы, не могло появиться само по себе. Оно было *результатом формирования особой общности людей*, получившей название *советский народ*, – название, которое позднее, в годы крушения Союза, было многократно осмеяно.

В наше время принято акцентировать внимание на том, что в советском обществе предвоенного, военного, да и послевоенного периодов огромную силу имел бесчеловечно жестокий репрессивный аппарат, создавший в стране фактически лагерный режим. Было бы странно пытаться отрицать и существование такого аппарата, и его зловещую роль в судьбах самой страны и сотен тысяч граждан, безвинно пострадавших от него. Но столь же нелепо и несправедливо таким образом представлять дело, будто вся суть советской власти состояла только в терроре против народа, поскольку наряду с ним были поддерживаемая и пестуемая властью вера миллионов людей в высшие идеалы, энтузиазм строительства нового справедливого общества, реальное осознание братства и равенства граждан всей огромной страны, в которой *ведь и вправду не было «ни черных, ни цветных»!* Кто станет оспаривать, что в этой стране сын неграмотного крестьянина мог стать генералом, рядовой гражданин, имеющий уникальную профессию или выдающийся талант, – получить бронь, освобождающую от службы в армии, а сын первого лица в государстве – отправиться в действующую армию младшим офицером, попасть в плен и погибнуть? Всякий, кто видел это своими глазами, имел основание считать эту власть *своею*, а не чиновничье-аристократической. Да, злодеи были и при этой власти, как и всегда при любом режиме. Но рядом со злодеями, гораздо мощнее воздействуя на сознание, были и люди высокого духа. Вот, видимо, что и подвигло Александра Матросова закрыть грудью амбразуру, панфиловцев – погибнуть, но не уступить врагу, генералу Карбышеву и нашему соплеменнику, поэту Али Шогенцукову, – достойную смерть предпочесть предательству. Это были люди разного рода занятий, разных национальностей, но одного духа и одной цели. Ими двигал не слепой фанатизм, а высшая духовность, в те времена бывшая неотделимой от той же советскости. И не докажешь, что в немалой степени их поступки стимулировались системой, которая сумела внедрить в сознание людей именно такой тип поведения как подлинно человеческий в высшем смысле слова.

Еще об одном обстоятельстве следует сказать. Люди, как правило, объединялись во имя каких-то задач, имевших жизненно важное значение для всей страны, и так было не только в

годы войны, но также до нее и после нее. Достаточно вспомнить так называемые всесоюзные стройки – возведение целых новых городов, предприятий, электростанций общесоюзного, а то и мирового значения. Видеть в этом только парадность, официоз, гигантоманию вождей или иные «аномалии» – значит упрощать дело и абсолютизировать один-единственный ракурс весьма сложного феномена. Да, была и помпезность, и вульгарность в ряде идеологических дискурсов; были и ошибки. Только вот откровенно подлого в этом было все же меньше, чем в циничном и глобальном по масштабам обнищании миллионов простых граждан в результате «демократизации» страны после 1991 года.

Немаловажно заметить, что подобного характера кампании консолидировали не только их непосредственных участников, а становились центром внимания населения всей многонациональной страны. Это подкреплялось профессионально поставленной пропагандистской базой. Участие во всесоюзных стройках или иных мероприятиях глобального плана официально и неофициально признавалось высоко престижным, оно мобилизовывало одних и являло образец для подражания сотням и тысячам других. Поэтому советское общество довоенного периода, да и послевоенных нелегких лет, имело не просто голую идеологическую, но и практическую базу для единения – и во имя строительства, как часто говорилось, «светлого будущего», и во имя защиты страны от потенциального врага этого строительства.

В наше время принято относить чуть ли не все успехи индустриализации СССР к деятельности репрессивных органов. Да, был ГУЛАГ, не все ужасы которого сумел описать даже сам А. Солженицын, и то, что он был, горькая правда. Кажется, непросто найти человека, которого это чудовище не коснулось своим холодящим душу дыханием – кто-то сам там побывал, у кого-то родители или близкие родственники, друзья или соседи испытали его прелести. Правда также и то, что ретивые волонтеры этого страшного явления нашей истории реально были готовы положить под каждую шпалу новой железной дороги «по одному врагу народа», свято веруя в справедливость такого отношения к ближним своим, и при случае не колебались перед такой ценой ради выполнения «задания партии».

Было. Но, в то же время, куда прикажете деть объективное существование ударных комсомольскихстроек, на которые со всей страны по доброй воле съезжались десятки тысяч горячих молодых людей, одержимых романтической идеей строительства новой и счастливой страны? В сознание огромного числа людей были органически внедрены понятия о равенстве, справед-

ливости, коллективизме, любви к своему великому отечеству с его великой историей. К началу Великой Отечественной войны в стране налицо было общество, объединяемое, прежде всего, системой воздействия, которая включала в себя не только примитивную пропаганду большевистских идей, но также активизацию в масштабах всего общества традиционных форм воспитания и позитивной исторической памяти. Надо учитывать, что это органично сочеталось с верой в будущее, осознанием причастности каждого рядового члена общества к большому общему делу. Это и определяло подлинное отношение советского гражданина к Родине. В какой бы точке огромной страны человек ни жил, в какого бы бога ни веровал и на каком бы из языков народов СССР ни изъяснялся, он осознавал себя ее частью, а не отделял себя от нее. И он скорее посчитал бы злодеем какого-нибудь отдельного чекиста, чем признал чужим для себя само советское «рабоче-крестьянское» государство.

Сейчас мы можем допускать, что он заблуждался, но для советского человека в момент необходимости самоидентификации оказывалось более естественным *быть наследником славы героических предков, нежели бесславных пацифистов и космополитов, в глубине души таивших отчуждение от общества и государства*. Думается, в этом еще один из истоков массового героизма советских людей, которые в решающий час воистину не жалели своих сил, а нередко и своих жизней. Более того, сознательная жертвенность обретала мотивированное логическое оправдание, чего не скажешь о предательстве во спасение своей жизни. К сожалению, со временем в обществе возобладали отнюдь не случайные, хотя и не единственно характерные, атрибуты социалистических принципов его организации. Ни публичное осуждение преступлений в годы массовых репрессий, ни радикальные попытки исправления тех перегибов, которые можно было еще выправить (реабилитация безвинно репрессированных – и отдельных людей, и целых народов, поднятие пресловутого «железного занавеса», искусственно обособившего граждан страны от остального мира, и т. д.) не уберегли Советский Союз от катастрофического развала.

Прежде всего, как это ни тяжело, надо признать, что разрушенное в результате «перестройки» пало по причине утраты своей жизнеспособности. Советская система развалилась или была развалена (всяк волен судить по-своему) не без нашей поддержки потому, что обнажились ее многие язвы, которые, выражаясь медицинским языком, были все же не совместимы с жизнью. Большое значение при этом имело созревшее в обществе недовольство положением дел, вы-

званное в немалой степени кризисом партийного и государственного аппарата, и в том числе самым главным – кризисом духовным: средний нравственный уровень партийного и советского чиновничества, этой армии, занявшей нишу наследников дела революционеров царской России, комиссаров гражданской и политруков Великой Отечественной войны, оказался ниже низшего предела. Между тем именно в период, именуемый перестроечным, т. е. в период объективно назревших радикальных реформ, жизненно важно было иметь во всех сферах управления кадры людей в равной степени компетентных, идейно безупречных и бесконечно преданных общественным и государственным интересам. Увы, на таких людей в стране середины и конца восьмидесятых годов XX в. был дефицит более страшный, чем на колбасу. Вот в этом я вижу вину нашего поколения перед поколением Нафи Джусойты, Алима Кешокова, Кайсына Кулиева, Василя Быкова – поколением наших отцов и дедов, добрая половина которых обеспечила наше существование ценою своих жизней.

Быть может, правы теоретики исторического материализма, утверждая, что всякая эпоха выдвигает личностей, достойных ее. В сфере управления профессионализм, убежденность и деловая порядочность стали все более подменяться недалеким расчетом, ловкачеством, клановыми интересами. Сам совпартаппарат – от высших лиц государства до винтиков наподобие инструктора райкома – превратился в отдельный клан, слоеный соответственно ранжиру. Этот клан имел свои привилегии, дистанцирующие элиту от всего остального населения страны. То, что представлялось политической культурой, нередко оказывалось просто тщательной отполированной поверхностью, под которой обнаруживалась губительная для общества коррозия. В этом одна из причин сравнительно легкого развала страны, в свое время выстоявшей перед натиском фашистской армии и на протяжении многих лет успешно противостоявшей экономическому и идеологическому напору всего западного мира.

Она же является причиной того, что огромное число бывших кадровых советских партийных работников в одночасье отказалось от прежних идейных принципов, быстренько внедрилось в новые партии, как можно более близкие к раздаче, и приняло деятельное участие в проведении гайдарино-чубайсовских реформ, в результате которых *общее* (по мировоззрению некоторых *умных* людей – *ничейное*) достояние всего народа оказалось разграбленным, а народ обездоленным. Это окончательно предопределило и без того неотвратимый кризис духовности. Он привел к пренебрежению понятиями о чести, досто-

инстве, справедливости, патриотическом долге, о человеческой жизни и судьбах целых народов. Образовавшийся вакуум незамедлительно заполнили суррогаты подлинной культуры, что до сих пор весьма болезненно отражается на всем населении страны. В час, когда на войне исход боя решался не в нашу пользу, политрук первым поднимался с призывом «Коммунисты – вперед!». И тысячи таких, как нынешний юбиляр, шли под пули, но и побеждали. А в пору крушения Союза на такой призыв очень многие кадровые партийцы грудью наваливались не на дзоты, а подгребали под себя доступные им куски от всенародного добра. Откуда же было взяться единению общества, если девятая часть процента бывших советских людей от всех обещанных свобод досталась дырка от бублика! Произошло обыкновенное отчуждение общества от общественного достояния – вот и конец всеобщему согласию.

У законов согласия есть одно незыблемое правило: единство будет надежным только при условии полного и всеми осознаваемого равенства – независимо от места проживания, занимаемой должности, национальности и вероисповедания. Чем больше ограничений у одних в пользу других, чем меньше внимания одних к другим, тем меньше будет стабильности. Полнота согласия зависит от степени доверия друг к другу. Можно на время замутить сознание людей умелой демагогией, можно пытаться – также на время – усмирить их силой. Однако покорность, добытая подобными путями, не более чем суррогат подлинного согласия, ибо *завоевывать следует только души людей*. Вроде бы не очень уж мудреная это истина, только не всем она, как видно, доступна. Кажется, что злодеи, строившие советскую систему, знали это лучше, чем некоторые из нынешних поборников демократии.

В наших общих интересах, чтобы Россия была великой и сильной державой, ибо только в этнокультурном поле России, неотъемлемой частью которой мы являемся, есть реальная возможность сохранения и дальнейшего развития малых народов. Слишком многое отдано нами строительству российского государства еще со времен Ивана IV, и нынче только безумный может рубить сук, на котором сам же сидит.

Настала пора вспомнить, что в годы Великой Отечественной войны народы СССР объединяла не общая религия, не общий язык (хоть и был великий русский как язык межнационального общения), не общее происхождение, а чувство принадлежности к одной стране, к одним свершениям, к одним духовным ценностям. Не будь этого единства, не было бы той Победы, которую мы празднуем каждый год. Если сегодня величие страны стало возможно подвергать сомнению, то

– надо это откровенно признать – прежде всего потому, что мы стали забывать о принципах, на которых так кропотливо и долго строилось здание нашего государства, стали забывать об опыте его строительства, особенно о несомненных успехах в этом строительстве. Легко отвергать все подчистую и объявлять торжество новых и более подлинных свобод; труднее из прошлого отместить все тлетворное и не уронить ничего полезного. Но только так можно по-настоящему укрепить свою державу, чтобы никто не смел вытирать о нее ноги и игнорировать ее кровные интересы, ее представления о добре и зле, о правде и кривде.

Мы переживаем период, когда удельный вес правдивого слова упал до невиданно низкого уровня. Толстой и Лермонтов не в моде, нужны авторы дешевых детективов и любовных романов. На самом деле оказывается, что при помощи словоблудия огромной массе людей внушаются совершенно искаженные представления о природе духовности. И пока слово, этот священный дар творца, которому служили все великие писатели мира, который избрали орудием и собратом Нафи Григорьевича, служит не поискам истины, а ее сокрытию, жизнь нашего общества не может быть благополучной.

В нашей нынешней действительности все меньше места остается подлинным героям, которые ради построения мощного государства мерзли в тайге и рисковали жизнью в горах, ради спасения Родины шли на амбразуры, ради сохранения своей чести предпочитали предательству смерть в гитлеровских концлагерях. Да, конечно, *каждая личность неповторима, и жизнь каждого человека священна, но ведь не из премудрых пескарей, которые благоразумно берегут себя, зажигаются звезды на небе.* Поэтому во имя сохранения нашего общества, во имя сохранения тех общечеловеческих непреходящих ценностей, которые были спасены однажды ценою жизни лучших из людей, настоятельно необходимо обратиться лицом к духовности, к принципам подлинного взаимоуважения и равенства, надо героев назвать героями, а пескарей пескарями. Начнем с того, чтобы говорить правду: вот чего ждут от нас Расул Гамзатов и Али Шогенцуков, Кайсын Кулиев и Нафи Джусойты. Лишь при этом условии можно вернуть великой стране ее величие, при этом условии сохранится связь времен и преемственность традиций, при этом условии возможно подлинное и на высочайшем духовном уровне единение людей разных языков и разных вероисповеданий.

HISTORICAL EXPERIENCE OF GENERATIONS OF WINNERS: IDEAS AND REALITY

Gutov A.M.

